

ДЖЕЙМС ОЛИВЕР
КЕРВУД

Бродяги Севера

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Казан

Глава I

УДИВИТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Казан лежал неподвижно, полузакрыв глаза и положив серую морду на передние лапы. Ни один мускул, ни один волосок его не шевельнется, не дрогнут веки. Он словно застыл; казалось, что жизни в нем сейчас не больше, чем в немом северном валуне. А между тем каждый нерв его был напряжен, каждое волоконце его великолепных мышц натянуто, как стальная струна, и сердце мощными толчками гнало его звериную кровь. На одну четверть эта кровь была волчья, и все четыре года своей жизни он провел в суровых пустынях Севера. Ему довелось узнать и голод и стужу; он привык к завыванию ветра над тундрой в долгие полярные ночи. Его не пугал рев весенних водопадов, он умел сжаться в комок под натиском свирепого урагана. Его шея и бока были в рубцах и шрамах — следы старых ран, полученных в жестоких схватках; его глаза покраснели от колючих снежных вихрей. Ему дали имя Казан, Дикая Собака. Он был великаном среди своих сородичей и бесстрашен, как те люди, что гнали его впереди себя через все опасности этого холодного мира.

До сих пор Казан не ведал страха. Никогда прежде он не испытывал желания обратиться в бегство — даже в тот день, когда схватился с большой дымчатой рысью и убил ее. Так что же пугало его теперь? Он не знал этого, он только чувствовал, что попал в новый, неведомый мир, где все внушало недоумение, тревогу. Казан впервые знакомился с цивилизацией.

Скорее бы вернулся хозяин! Зачем он оставил его, Казана, в этой непонятной комнате, заполненной такими пугающими предметами? На стенах — большие человеческие лица, безмолвные и неподвижные. И все они уставились на Казана. Еще никогда люди не смотрели на него вот так. Впрочем, нет, он вспомнил: такой взгляд был у его прежнего хозяина, когда тот, недвижимый, окоченевший, лежал на снегу. Казан тогда сел рядом с ним и завыл — запел Песню Смерти. Но эти люди на стенах не казались мертвыми, хотя и живыми они тоже не были.

Вдруг Казан слегка наострил уши. Он услышал шаги, потом негромкие голоса. В одном он узнал голос хозяина. При звуке другого голоса по телу Казана пробежала дрожь. Ему почудилось, что однажды, очень-очень давно, должно быть, когда он еще был щенком, он слышал вот такой же молодой, счастливый женский смех. Он поднял голову и посмотрел на вошедших своими красными сверкающими глазами. Он сразу понял, что эта женщина дорога хозяйину — его рука так ласково обнимала ее плечи. Яркое солнце било сквозь окно и светилось в ее белокурых волосах, щеки у нее розовели, глаза сияли голубизной лесных цветов.

Женщина заметила Казана и не раздумывая бросилась к нему.

— Стой! Что ты делаешь? — закричал ее спутник. — Берегись, он может... Казан!..

Но она уже опустилась перед Казаном на колени — руки ее вот-вот коснутся его шерсти. А Казан? Что ему теперь делать? Отползти назад? Огрызнуться? Может быть, она вроде тех, что смотрят со стены, может быть, она враждебна ему, Казану? Прыгнуть и вцепиться ей в горло?

Он видел, что хозяин рванулся вперед, вдруг побелел как снег. Но рука женщины уже легла Казану на голову, и от этого прикосновения он весь задрожал. Обеими руками она подняла голову Казана и заговорила — ее лицо было совсем близко:

— Так вот ты какой, Казан, мой славный Казан, мой герой! Это ты спас от смерти моего мужа, ты привез его домой, один дотащил тяжелые сани?

И тут — удивительное, неповторимое чудо! — лицо женщины прижалось к нему, и Казан почувствовал на себе ее человечье тепло.

Он не шелохнулся, он старался не дышать. Но вот прошло несколько долгих мгновений и женщина подняла лицо; в ее голубых глазах дрожали слезы. Муж стоял возле, сжав руки, стиснув зубы.

— Этот пес никогда и никому не позволял дотронуться до себя, — произнес он наконец сдавленным голосом. — Отходи осторожно, Изабелла. Ого! Ты только взгляни!

Казан тихо скулил, не отрывая налитых кровью глаз от лица женщины. Ему так хотелось еще раз почувствовать ее руку, притронуться к ней! Но если он решится на это, что тогда? Его, наверное, изобьют палкой? А ведь теперь он и сам был готов кинуться на ее защиту и, если нужно, убить врага и даже умереть за нее. Он медленно тянулся к ней, глядя ей в лицо немигающими глазами. Услышав голос хозяина, он вздрогнул. Но удара не последовало.

ло, и он продолжал ползти вперед, пока его холодный нос не коснулся ее тонкого платья. Женщина не отодвинулась.

— Посмотри, — прошептала она, — посмотри!

Еще дюйм, два, еще полдюйма¹ — большое тело Казана выгнулось, он весь подался вперед, к ней. Его морда коснулась сперва ее ноги, затем коленей и, наконец, теплой маленькой руки. Он по-прежнему не отрывал глаз от ее лица и видел, как дрогнули ее губы. Она взглянула на мужа. Тот тоже опустился на колени рядом с ними, обнял женщину и потрепал собаку по голове. Казану не понравилось это прикосновение. Суровый опыт научил его не доверять мужским рукам. Но он все же позволил хозяину дотронуться до себя и почувствовал, что это приятно женщине.

— Казан, старина, — ласково проговорил хозяин, — ты ведь не обидишь ее, правда? Мы с тобой оба любим ее, дружище. Она, Казан, наша — твоя и моя. И мы будем беречь ее всю жизнь. А если понадобится, будем драться за нее до последнего — верно, старина?..

Они уже давно отошли от него, а Казан все лежал на прежнем месте и не спускал глаз с женщины. Он следил и прислушивался, и в нем все сильнее росло желание подползти к ней, коснуться ее руки, или ноги, или хотя бы платья. Но тут хозяин сказал что-то, женщина со смехом вскочила и подбежала к большому блестящему ящику, который стоял в углу, оскалив ряд огромных белых зубов. Эта пасть была длиннее туловища самого Казана. Для чего только нужны такие зубы? Но вот пальцы молодой женщины коснулись

¹ Дюйм — мера длины, равная приблизительно 2,54 сантиметра. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

их, и тотчас из ящика послышались удивительные звуки. Ни шепот ветерков, ни пение водопадов и речных порогов, ни весенние трели птиц — ничто не могло сравниться с этими звуками. Казан впервые в жизни слышал музыку.

Сперва она поразила и напугала его, но потом страх исчез, и только ноги подрагивали от непонятого возбуждения. Ему захотелось сесть и завывать, как выл он зимними ночами на луну и на бесчисленные звезды, сверкающие в холодном небе. Однако присутствие женщины удерживало его. Он стал медленно красться к ней. Взгляд хозяина остановил его, но только на мгновение. Казан снова пополз, прижимая к полу морду и шею. Он был уже на полпути к цели, когда удивительные звуки стали затихать.

— Продолжай, — проговорил хозяин быстро и вполголоса. — Играй, не останавливайся.

Изабелла повернула голову, увидела Казана, распластавшегося на полу, и снова заиграла. Хозяин не сводил глаз с собаки, но это уже не могло остановить Казана. Он подползал все ближе и ближе, пока его вытянутый вперед нос не коснулся складок ее длинного платья.

И вдруг женщина запела. Он замер, дрожа всем телом. Ему приходилось слышать унылый напев индианки у порога вигвама и дикий мотив Оленьей Песни охотников, но никогда еще его ухо не ловило таких мягких и ласковых звуков. Казан совсем забыл про хозяина. Осторожно, украдкой, так чтобы она не заметила, Казан приподнял голову. Он увидел, что женщина смотрит на него. Этот взгляд внушал ему доверие, и он положил голову ей на колени. Опять прикосновение женской руки... Закрыв глаза, Казан глубоко и протяжно вздохнул.

Музыка смолкла. Казан расслышал над своей головой слабый звук. Смех? Или плач? Хозяин кашлянул.

— Я всегда любил этого старого бродягу, — проговорил он, и голос его прозвучал как-то совсем непривычно, — но никогда не думал, что он способен на такие нежности.

Глава II НА СЕВЕР

Для Казана наступили замечательные дни. Правда, он тосковал по лесным чащам и глубоким снегам, ему будто не доставало ежедневной грызни с собаками — не так-то легко подчинить всю

упряжку своей воле. Ему хотелось опять услышать их лай за своей спиной. Он скучал по долгой езде напрямик, через равнины и тундры. Скучал даже по окрикам погонщиков и по ненавистному щелканью двадцатифутового¹ бича, свитого из оленьих кишок. Ему хотелось вновь ощущать подергивание постромок, слышать, как повизгивают бегущие позади собаки. Но нечто другое заменило ему теперь все это давнишнее и привычное.

Даже когда женщины не было поблизости, Казан повсюду вокруг себя ловил ее тонкий запах. Почувяв его среди ночи, он просыпался и тихо скулил. Однажды, бродя в темноте по дому, он нашел дверь, за которой она спала. Когда наутро Изабелла вышла из спальни, она увидела, что Казан лежит, свернувшись, у ее порога. С тех пор каждую ночь Изабелла стала класть Казану его подстилку подле своей двери. Теперь, в долгие зимние ночи, он знал, что хозяйка здесь, за дверью, и был спокоен. И с каждым днем все реже вспоминал о родных снежных пустынях.

Но вскоре он почувял в доме какую-то перемену. Все суетились, спешили куда-то, и женщина уделяла ему все меньше внимания. Казан встревожился. Он пытливо всматривался в лицо хозяина. И вот однажды ранним утром хозяин надел на Казана ошейник с железной цепью и вывел его за дверь, на улицу. Только теперь Казан понял, что происходит: его куда-то отсылают. Он сел, отказываясь сдвинуться с места.

— Идем, Казан, — уговаривал его хозяин, — идем же, дружище!

Но Казан уперся и оскалил белые зубы. Он ожидал, что за это его хлестнут или ударят палкой, но нет — хозяин засмеялся и отвел его обратно домой. Потом они снова вышли из дому, но уже втроем. Изабелла шла рядом с Казаном, положив руку ему на голову. Это она уговорила его прыгнуть в большую черную дыру, и он оказался в темной внутренности вагона. И она же заманила его в самый темный угол, где хозяин привязал его цепь к стене. А потом оба они, хозяин и хозяйка, вышли из вагона, заливаясь веселым смехом.

Много часов подряд Казан пролежал неподвижно, напряженно вслушиваясь в незнакомые звуки. Из-под пола доносился перестук колес. Иногда он замирал, и тогда снаружи слышались чужие голоса. Но наконец Казан ясно различил знакомый голос. Он дернулся на цепи и завыл. Дверь вагона откатилась в сторону. Влез какой-то человек с фонарем в руке, за ним следом хозяин. Казан не

¹ Фут — английская мера длины, равная 30 сантиметрам.

обратил на них никакого внимания. Он глядел мимо них, туда, в ночной мрак. Его вывели наружу. Он чуть не вырвал цепь из рук хозяина, прыгивая на белый снег, но, не обнаружив никого за дверью, замер, нюхая воздух. Над ним были северные звезды, по которым он так тосковал, а кругом стеной стояли леса, черные и безмолвные. Но тщетно пытался он уловить знакомый запах, и из его горла вырвались тихие, жалобные звуки. Тогда хозяин поднял над головой фонарь. Это был сигнал, потому что тут же откуда-то сзади из темноты послышался голос. Казан повернулся так резко, что цепь выскользнула из рук хозяина. Замелькал свет других фонарей, и снова прозвучал тот же голос:

— Каза-а-ан!

Казан полетел как стрела. Хозяин шел следом посмеиваясь.

— Ишь, старый бродяга! — проговорил он весело.

Обойдя служебный вагон, он при свете фонаря увидел Казана, лежавшего у ног Изабеллы. Она победно улыбалась.

— Твоя взяла, — признал ее муж не без удовольствия. — Готов держать пари на свой последний доллар, что он не кинулся бы так ни на чей другой голос на свете. Ты победила. Казан, старина, я тебя проиграл.

Но когда Изабелла наклонилась, чтобы взять конец цепи, он вдруг перестал улыбаться.

— Казан, конечно, твой, — быстро проговорил он, — но пока предоставь мне заниматься им. Даже теперь я ему еще не доверяю. Я своими глазами видел, как он отхватил руку индейцу — всего один раз щелкнул пастью. И точно так же перервал горло собаке. Сущий дьявол, дикий и свирепый зверь, хотя меня он всегда охранял как герой и спас мне жизнь. Дай-ка цепь...

Он не успел договорить. Казан вскочил, зарывчав, как дикий зверь. Губы его вздернулись, обнажив длинные клыки, спина словно окаменела. Предостерегающе крикнув, хозяин схватился за висевший у пояса револьвер.

Но Казан не обращал внимания на хозяина. Из темноты вышел человек — проводник, который должен был сопровождать хозяина и его молодую жену до лагеря на Ред-ривер. Мак-Криди — так звали проводника — был рослый мужчина мощного сложения. Почти квадратная челюсть придавала ему выражение жестокости. Он уставился на Изабеллу, и это почему-то не понравилось Казану.

Красный с белым вязаный капюшон молодой женщины сполз у нее с головы и висел за плечами. Тусклый свет фонарей блеснул

на ее золотистых волосах. Щеки у нее разругались, глаза, обращенные на пришедшего, казались голубее самого голубого лесного цветка. Мак-Криди отвел взгляд. Рука Изабеллы легла на голову Казана, но впервые за все время собака, казалось, не почувствовала ее прикосновения. Казан не переставая рычал, и клочкотанье в его горле становилось все более угрожающим. Изабелла дернула цепь.

— Казан, ложись! — приказала она.

Звук ее голоса как будто несколько успокоил его.

— Ложись! — повторила она, и рука ее снова опустилась ему на голову.

Казан улегся, прижавшись к ее ногам. Но зубы его все еще были оскалены. Хозяин наблюдал за ним. Он не мог понять, почему в волчьих глазах Казана горела такая смертельная ненависть. Проводник между тем разматывал длинный бич. Он пристально глядел на Казана, потом вдруг наклонился вперед, уперся обеими руками в колени и рывкнул:

— Эй, Педро, взять!

Этому приказанию — «взять!» — обучали только собак, находящихся на службе у полиции Северо-Запада. Но Казан не шелкнулся. Мак-Криди выпрямился, и словно револьверный выстрел раздалось щелканье его длинного бича.

— Взять, Педро! Взять!

Клочкотанье в горле Казана сменилось грозным рычанием, но ни один мускул его не дрогнул. Мак-Криди обернулся к хозяину.

— Послушайте, Торп, — сказал он, — готов поклясться, что я его знаю. Если это Педро, то это негодная собака, хорошего от нее не жди.

Торп нагнулся, чтобы поднять цепь, и не заметил, какое странное выражение мелькнуло на лице Мак-Криди. Но Изабелла это увидела и вздрогнула. Всего несколько минут назад, когда поезд остановился здесь, в Ле-Пасе, она, знакомясь, протянула руку этому человеку и, встретившись с ним взглядом, заметила на его лице вот такое же выражение. Тогда она подавила испуг, вспомнив, что рассказывал ей муж о людях Севера. Она уже заранее научилась любить их, она восхищалась их грубоватым мужеством и преданными сердцами. И теперь она улыбнулась, силясь побороть чувство страха и отвращения, которое почему-то внушал ей Мак-Криди.

— Не понравились вы моему Казану. — Она тихо засмеялась. — Попробуйте подружиться с ним.

Она взялась за цепь и слегка подтолкнула Казана к проводнику — конец цепи все еще оставался в руке Торпа, и он стоял наго-

тове, чтобы в любую секунду оттащить собаку. На какое-то мгновение Мак-Криди оказался между Торпом и его женой, и Торп опять не мог видеть лица проводника. А тот и не смотрел на Казана, он не спускал глаз с молодой женщины.

— Вы бесстрашная, — сказал он. — Я бы не осмелился обращаться с ним вот так, как вы. Он в два счета может отхватить руку.

Мак-Криди взял у Торпа фонарь и повел всех по узкой снежной тропе, идущей в сторону от железнодорожного полотна. Неподалеку, в густом ельнике, Торп две недели назад оставил свой лагерь. Теперь вместо одной палатки, в которой он жил со своим прежним проводником, были разбиты две. Перед палатками пылал яркий костер, рядом стояли длинные сани. За пределами светлого круга, очерченного огнем костра, Казан различил неясные силуэты собак своей упряжки, увидел их горящие глаза. Пока Торп привязывал его к саням, Казан стоял неподвижно, напрягши все мускулы. Снова он в своих родных лесах, снова он будет верховодить своими сородичами! А хозяйка его смеялась и хлопала в ладоши. Она радовалась новой, удивительной жизни, которая начиналась для нее здесь. Торп откинул брезентовый полог палатки и, пропуская Изабеллу вперед, прошел за ней следом. Изабелла вошла в палатку, не оглянувшись, не сказав Казану ни слова. Он заскулил и перевел свои красные глаза на Мак-Криди.

В палатке Торп говорил жене:

— Жаль, что старик Джекпайн отказался вернуться с нами. Он, правда, привез меня домой, но ни за что на свете не захотел ехать обратно. Ты бы посмотрела, как этот индеец управляется с собаками! Вот насчет Мак-Криди я не очень-то уверен. Мне говорили, он странный парень, но зато леса знает как свои пять пальцев. Собаки не любят нового человека. Бьюсь об заклад, с Казаном ему будет нелегко справиться.

Изабелла что-то отвечала мужу, и Казан стоял неподвижно, прислушиваясь к ее голосу. Он не слышал и не видел, как Мак-Криди украдкой подобрался к нему сзади. На этот раз голос человека прозвучал для него неожиданно, как выстрел:

— Педро!

Казан мгновенно скорчился, словно его ударили бичом...

— Ага, на этот раз ты попался, старый дьявол! — прошипел Мак-Криди. Лицо его при свете костра казалось неестественно бледным. — Имя сменил? Но я тебя все равно узнал. Ну, теперь берегись!

Глава III

МАК-КРИДИ ВОЗВРАЩАЕТ ДОЛГ

Мак-Криди долго еще сидел возле огня. Он молчал... Лишь на короткие мгновения взгляд его отрывался от Казана. Затем, убедившись, что Торп и Изабелла улеглись спать, Мак-Криди зашел в свою палатку и вернулся оттуда с флягой виски. С полчаса он просидел у костра, то и дело прикладываясь к фляге. Потом подошел и сел на край саней, но так, чтобы Казан не мог достать до него.

— Что, попался? — опять проговорил Мак-Криди. Глаза его блестели — начинало сказываться действие виски. — Интересно, кто это переменял тебе имя? И как ты к этому-то попал?.. Да, хорошо, что ты не умеешь говорить...

Из палатки послышался голос Торпа, в ответ — взрыв веселого смеха. Мак-Криди выпрямился. Лицо его внезапно вспыхнуло. Он спрятал флягу в карман и, обойдя костер, осторожно, на цыпочках, подкрался к палатке Торпа и притаился в тени растущего рядом дерева. Когда он снова вернулся к саням, глаза его горели. Было уже за полночь, когда он ушел наконец в свою палатку.

Казан пригрелся у огня, и веки его стали медленно опускаться. Но спал он беспокойно, в его мозгу мелькали неясные, тревожные картины. Он то дрался, и тогда зубы его щелкали во сне, то рвался на привязи, пытаясь дотянуться до Мак-Криди или до хозяйки. Ему казалось, что он снова чувствует прикосновение ее руки, слышит, как она поет ему и хозяину.

Потом вдруг другая картина. Вот он бежит во главе великолепной упряжки из шести собак — это упряжка полиции Северо-Запада, и хозяин окликает его:

— Педро!..

Потом они на привале. Хозяин Казана, молодой, с гладко выбритым лицом, помогает выйти из саней человеку, у которого руки стянуты впереди какими-то странными черными кольцами... Еще картина. Казан лежит у большого костра. Хозяин сидит напротив, спиной к палатке. Из палатки выходит тот, другой, только на этот раз колец на нем нет и руки его свободны. Он держит тяжелую дубинку. Дубинка обрушивается на голову хозяина, и...

Казан проснулся, вскочил. Шерсть на спине у него вздыбилась, он зарычал. Костер почти затух, и лагерь погрузился в глубокую тьму, всегда предшествующую рассвету. Казан едва различил фигуру

Мак-Криди. Тот опять стоял возле палатки хозяина, и Казан вдруг вспомнил, что это и есть тот человек, у которого тогда на руках были черные кольца. И еще Казан вспомнил, что этот человек, прикончив хозяина, потом много дней гнал упряжку и нещадно бил его, Казана, бичом и палкой.

Мак-Криди услышал угрожающее рычание и поспешно возвратился к костру. Насвистывая, он стал собирать в кучу полуобгоревшие поленья. Когда огонь снова вспыхнул, он разбудил Торпа и Изабеллу. Через несколько минут Торп вышел из палатки; за ним следовала жена. Она присела на сани рядом с Казаном и начала расчесывать волосы. Мак-Криди подошел к ней сзади и стал что-то перебирать в поклаже на санях. Как бы случайно пальцы его на мгновение погрузились в густые пряди, падавшие ей на плечи. Изабелла не обратила внимания на это прикосновение, а Торп стоял к ним спиной. Только от Казана не ускользнуло вороватое движение пальцев Мак-Криди. Пес легче рыси перелетел через сани и рванулся на всю длину цепи. Мак-Криди едва успел отскочить. Крепкая цепь отбросила Казана обратно, он боком ударился о сидевшую на санях женщину, и та упала. Лишь это и увидел, обернувшись, Торп. «Казан бросился на нее!» — промелькнуло в его голове, и, не в силах проронить ни единого звука, он потащил в сторону упавшую с саней жену. Убедившись, что она невредима, Торп хотел было выхватить револьвер, но оружие вместе с кобурой осталось в палатке. У ног его оказался бич Мак-Криди. Торп схватил его и не помня себя кинулся на Казана. Собака вся сжалась в комок, но не огрызнулась, не сделала попытки убежать. Только однажды в жизни довелось Казану перенести подобные побои! Но у него не вырвалось ни визга, ни рычания.

Внезапно хозяйка его рванулась вперед и схватила занесенный Торпом бич.

— Не смей! — закричала она.

Потом она что-то сказала мужу вполголоса. Мак-Криди не слышал, что именно, но взгляд Торпа принял странное выражение, и, не произнеся ни слова, он вместе с женой ушел в палатку.

— Казан прыгнул не на меня, — в волнении шептала Изабелла, крепко схватив мужа за руки. — Этот человек стоял сзади, и мне показалось, что он до меня дотронулся. И тут Казан прыгнул! На него! Я уверена, здесь кроется что-то дурное.

Она едва сдерживала слезы. Торп крепко прижал ее к себе.

— Мне не приходило в голову... Да, все это подозрительно, — сказал он. — Кажется, Мак-Криди говорил, будто он раньше знал эту собаку. Вполне возможно. Может быть, он был хозяином Казана и так с ним обращался, что собака до сих пор не простила ему. Завтра разберусь во всем. Но пока обещаю тебе, что будешь держаться подальше от Казана.

Изабелла обещала. Когда они вышли из палатки, Казан поднял им навстречу свою большую голову. От сильного удара бича один глаз у него затек, из пасти сочилась кровь. Изабелла даже заплакала, увидев бедного изувеченного зверя. Казан знал, что это она оставила наказание: он тихо заскулил и завилал по снегу своим пушистым хвостом. Но она не подошла к нему.

На следующий день на протяжении долгих трудных часов Казан вел свою упряжку на север. Никогда еще он не чувствовал себя таким несчастным. Глаз у него не открывался и сильно горел, тело ныло от ударов бича. Но не от боли он так уныло повесил голову, не боль лишила его проворства и сметливости, которые всегда присутствовали у вожака упряжки. Впервые в жизни его дух был сломлен. Когда-то давно Мак-Криди изводил его побоями, теперь вот избил хозяин. Их злобные голоса в течение всего дня звучали в его ушах. Но большее всего было то, что любимая хозяйка избегала его. Она теперь садилась так, чтобы Казан не мог до нее дотянуться. Во время коротких остановок и на привале Изабелла смотрела на него удивленным взглядом и ничего не говорила. И она тоже готова ударить, думалось Казану, и, прижимаясь брюхом к снегу, он отползал в сторону. Вечером он прятался подальше от костра и тосковал в одиночестве. Никто не подозревал, что Казан переживает настоящее горе. Разве только Изабелла понимала это. Но и она не подходила к нему, не говорила с ним и все время внимательно за ним наблюдала, особенно когда он смотрел на Мак-Криди.

Позже, когда Торп с женой ушли в палатку, повалил снег. Казан следил за Мак-Криди и старался понять, почему этот человек явно неспокоен. Как и накануне, он то и дело прикладывался к фляге, и при свете костра было заметно, что лицо его становится все краснее. Иногда Казан видел, как поблескивали у Мак-Криди зубы, когда тот ухмылялся, поглядывая на палатку, где спала хозяйка. Не один раз Мак-Криди подходил к этой палатке и прислушивался. И вот ему удалось расслышать глубокое дыхание спящего Торпа. Мак-Криди поспешно вернулся к костру. Он поднял лицо прямо

к небу — снег падал все гуще. Проводник заморгал, вытер глаза. Потом ушел в темноту, вглядываясь в следы, которые они оставили несколько часов назад. Но свежий снег уже почти заporошил их. Еще час — и их совсем не будет видно, а на другой день уже ничто не будет говорить о том, что здесь прошли люди, собаки и тяжелые сани. К утру снег покроет все, даже костер, если только загасить его как следует. В темноте Мак-Криди еще раз отхлебнул из фляги. Теперь мозг его горел пьяным огнем, сердце отчаянно билось. Но еще сильнее забилось сердце Казана, когда он вдруг увидел, что проводник возвращается с тяжелой дубинкой! Мак-Криди прислонил дубинку к дереву, взял из саней фонарь, зажег его. Держа фонарь в руке, он подошел к палатке Торпа.